

СИБИРСКИЙ ТЕКСТ

DOI 10.37386/2305-4077-2021-3-185-195

Е. Л. Сузрюкова¹

Новосибирская православная духовная семинария

ЯЗЫК ОБРАЗОВ В РАССКАЗЕ В.А. НИКИФОРОВА-ВОЛГИНА «МОЛНИИ СЛОВ СВЕТОЗАРНЫХ»

В статье рассматриваются художественные образы, связанные с основной темой рассказа В. А. Никифорова-Волгина «Молнии слов светозарных» – темой церковнославянского языка. Текст писателя насыщен метафорами и сравнениями, относящимися к богослужебному языку Церкви. Образные средства выразительности присутствуют как в цитируемых персонажами церковнославянских песнопениях, так и в речи повествователя. Их главная функция – подчеркнуть эстетическую сторону церковнославянских слов. К художественным образам, играющим эту роль, относятся молнии, свет, драгоценности, золото, серебро, вода, ткань, цветок.

Ключевые слова: В. А. Никифоров-Волгин, «Молнии слов светозарных», церковнославянский язык, богослужебный текст, художественный образ, семантика

E. L. Suzryukova

Novosibirsk Orthodox Theological Seminary

THE LANGUAGE OF IMAGES IN THE SHORT STORY «THE LIGHTNING OF ILLUMANING WORDS» BY V. A. NIKIFOROV–VOLGIN

This paper studies literary images connected with the main theme of V. A. Nikiforov-Volgin's story «Lightning of illumining words» – dedicated to the subject of Church Slavonic language. The author's text is filled with metaphors and similes related to the liturgical language of the Church. Imagery used as a means of expression can be found in both Church Slavonic chants cited by the characters and the narrator's speech. Their basic purpose is to emphasize the esthetic aspect of Church Slavonic words. The literary images used for this purpose include lightning, light, jewels, gold, silver, water, weave, or a flower.

Key words: Nikiforov-Volgin, «Lightning of illumining words», Church Slavonic language, liturgical text, artistic image, semantics

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что, хотя и появляются новые научные работы, посвященные творчеству В. А. Никифорова-Волгина (к примеру, особенности сюжета рассматриваются в статьях А. С. Конюховой [Конюхова, 2016], [Конюхова, 2017], рождественский

¹ Елена Леонидовна Сузрюкова, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Новосибирской православной духовной семинарии.

хронотоп – в работе Н.В. Летаевой [Летаева, 2020], художественный мир писателя и мир православной веры – в статье Е.Н. Смирновой [Смирнова, 2020]), художественные образы в рассказе «Молнии слов светозарных» еще не становились предметом специального изучения. Так, Е.А. Осьминина [Осьминина, 2016] рассматривает функционирование церковнославянизмов и связанных с ними образов в автобиографических циклах прозаика, однако не обращается к тексту рассказа «Молнии слов светозарных», который в книге «Земля-именинница» следует сразу за циклом «Детство». В работе Е.В. Ясновой [Яснова, 2019], где анализируется символика светописы, также привлекаются в качестве объекта изучения именно рассказы автобиографического цикла В.А. Никифорова-Волгина.

Центральной темой рассказа «Молнии слов светозарных» является церковнославянский язык, и образная система текста неразрывно связана с этой темой. С. Исаков обращает внимание на то, что церковнославянский язык имеет стилеобразующее значение для произведений прозаика, наряду со «стихией самобытной народной речи» [Исаков, 1992, с. 338]. В рассказе же «Молнии слов светозарных» персонажи читают по-церковнославянски, находя особую красоту в словах богослужебных книг. Как отмечает Е.А. Осьминина, «Никифоров-Волгин откровенно любуется прекрасными церковнославянскими словами, находит для них особые сравнения и эпитеты» [Осьминина, 2015, с. 222–223]. Особенно текст данного рассказа насыщен метафорами, благодаря которым различные смысловые грани доминирующей темы обозначаются и подчеркиваются.

А.В. Ушков в «Кратком учебнике церковнославянского языка» пишет: «По своему возвышенному характеру, по своей силе и звучности церковнославянский язык является наиболее совершенным средством для выражения религиозных настроений православного русского человека. Высшие стремления духа и глубокие чувствования, отрешенные от земного и направленные к небесному, чистому и вечному, получают наиболее соответствующее выражение в этом языке, далеком от обычного, житейского» [Ушков, 2002, с. 4]. Несомненно, что автор рассматриваемого нами рассказа был солидарен с мнением профессора, цитату из учебника которого мы привели.

Молнии, упомянутые в заглавии, в самом тексте соотносятся то с силой воздействия проповеди на слушателей («Молниями проповедания просветил еси во тьме сидяция» [Никифоров-Волгин, 2004, с. 72]²), ср. подобный контекст, к примеру, в службе трем святителям: Василию Великому, Григорию Богослову, Иоанну Златоусту, – где в стихирах на стиховне сами святители названы «молниями проповедания» [Минея Праздничная, 2016, с. 255], а в общей службе апостолу одна из стихир на хвалитех начинается так: «Молниями проповедания, во тьме седяция неведения славне просветив <...>» [Минея общая, 2015, с. 65]), то с исключительностью церковнославянских слов (дьякон Афанасий называет

² Тексты В.А. Никифорова-Волгина цитируются по: Никифоров-Волгин, В.А. Земля-именинница. М.: Ставрос, 2004. Далее номер страницы при цитировании указывается в круглых скобках после цитаты.

их так: «Это же ведь не слова, а молнии Господни!» (с. 73), то выступают как атрибут Божества (дедушка Влас называет церковнославянские слова «молниями истканными ризами Божиими» (с. 73), что добавляет в смысловую структуру текста орнаментальную характеристику). Прослеживается совпадение такой положительной смысловой наполненности образа молнии с некоторыми народными представлениями, которые отмечает О. В. Белова: «<...> народные воззрения на природу молнии как на Божий огонь (рус., бел.), Божью благодать, Божью милость, Божье милосердие, Божью волю (рус.) <...>» [Белова, 2004, с. 280]. Однако фольклорная традиция включает и такую семантику, которой в рассказе В. А. Никифорова-Волгина нет: деятельность некоторых мифологических персонажей, оружие и пр.

Ослепительность и яркость как свойства молнии усилены в тексте рассказа эпитетом «светозарные», относящимся к словам языка церкви. В «Полном церковнославянском словаре», составленном прот. Гр. Дьяченко, «светозарный <...> – светлый, блистательный, цветущий» [Дьяченко, 2013, с. 581]. Такой эпитет впервые появляется в тексте по отношению к «<...> языку житий, пролога, Великого канона Андрея Критского, миней, триоди цветной и постной, октоиха, Псалтыри и прочих боговдохновенных песнопевцев» (с. 70). Здесь перечислены основные книги, используемые в православном богослужении. Задающий их восприятие читателю эпитет «светозарный» дает не только эстетическую характеристику языка названных книг, но и указывает на их семантическую связь со светом и небом, где и рождаются молнии, а на глубинном смысловом уровне отсылает к представлению о духовном небе, Царствии Небесном.

Интересно, что в романе сибирского писателя Петра Дедова «Светозары» слово, поставленное в заглавие книги, объединяет в себе семантику и молнии, и света, обладая и другими значениями: «Слово-то какое: све-то-зары! Само собою, ничего не обозначая, и то алмазом светится. А ведь оно, видно, вобрало в себя и понятие зрелость (зреют хлеба), и озарение (сплохи в ночи), и зарницу, и саму зарю» [Дедов, 1990, с. 196]. Отличается от романа П. Дедова рассказ В. А. Никифорова-Волгина отсутствием образа пшеницы и коннотациями, с ним связанными. Роднит же оба текста сравнение светозаров с драгоценным камнем («алмазом светится»): у православного прозаика «каждое слово его [церковнославянского языка] казалось то золотым, то голубым, то лазоревым и крепким, как таинственный адамантов камень» (с. 70). Отметим тут «небесную» колористику. Далее в тексте В. А. Никифорова-Волгина появляются метафоры драгоценностей, относящиеся к церковнославянским словам («В кладязе славянских речений <...> камень многоцветные», с. 70; «жемчуга славянских слов», с. 73; «жемчуг Божьих слов», с. 75). Дьякон Афанасий, с которым дружит дедушка Влас, был «жадно влюбленным в драгоценные его [церковнославянского языка] камни» (с. 71). А слова, вызывающие восхищение Никифоровских персонажей, именуются в рассказе «богатством собранных сокровищ» (с. 73).

Образ молнии сопряжен, к тому же, с образами света и воды. Все церковнославянские слова для рассказчика пронизаны божественным светом: «Как заговорит [дед Влас], бывало, о красотах его [славянского языка], то так и обдаст тебя монастырским ветром, так и осветит всего святым светом» (с. 70). «Что за слово-то чудесное: «златозарный». Светится это слово!» (с. 71). «Не слова, а звезды светлосиянные, светильники светлейшие и прозарнейшие – с дрожью в голосе отзывается дед – светловещанная мудрость!» (с. 74). «А какие слова-то, Господи, встречаются: световидный, светоблистаный, светоносный, светозарный – говорит он [Влас] сквозь слезы.– «Душу мою озари сияньми невечерними...<...>» (с. 74). Такое обилие и соположение слов с семантикой света сообщает церковнославянским «речениям» причастность к небесному Солнцу правды, делает «светящимся» весь текст произведения, который складывается в восторженный гимн языку Церкви и православному богослужению. Даже характеристика пространства, где беседуют дьякон Афанасий и дедушка Влас, меняется под влиянием церковнославянских слов: «<...> в сумеречном домике нашем воистину заревно становилось» (с. 71).

Церковнославянское чтение соединено здесь и с молитвой, и с эстетической оценкой слов из богослужебных книг. Дедушка Влас читает слова: «Тя, златозарный мучеников цвет, почитаю» (с. 71). Это акростих, или краегранесие перед каноном святым мученикам Хрисанфу и Дарии из Минеи на 19-й день марта [Минея март, 2008, с. 77]. В тексте наблюдается игра слов: обыгрывается значение имени Хрисанф (букв. «златоцветный» [Имена и именины, 1994, с. 33]), развертываемое в метафору с эпитетом, при этом к смыслу имени добавляется значение зари, усиливается семантика света.

Образ воды, также связанный с молнией, «вбирает» в себя золотой цвет, щедро рассыпанный по тексту: «В кладезе славянских речений – златые струи вод Господних» [с. 70], – говорит дедушка. Даже «пузанок рябиновой»³ (с. 71) прозван им «Златоструем», а следовательно, включен в реальность «не от мира сего», единственно важную для персонажей произведения⁴. На этом примере видна активность и самого церковнославянского языка, заполняющего собою

³ Т. А. Агапкина приводит восточнославянское выражение, семантически связанное с названием и образным миром данного рассказа: «рябинная (рябиновая) ночь» – это «ночь с сильной грозой, молниями и зарницами, т. е. «рябая, пестрая ночь» [Агапкина, 2009, с. 514–515].

⁴ Свт. Димитрий Ростовский в житии преп. Иоанна Дамаскина замечает, что церковный гимнограф получил прозвище, почти совпадающее со словом «Златоструй» в тексте В. А. Никифорова-Волгина: «<...> как церковный песнопевец, Дамаскин более высок, чем во всех других отношениях, и положительно неподражаем, почему за свои песнопения и назван «Златоструйным», и это имя вполне принадлежит ему: все его песнопения заслуживают наименования песней образцовых; во всех них видно замечательное одушевление, свойственное высокому певцу. <...> Вообще Дамаскин – такой песнопевец, выше которого ни прежде, ни после не было в церкви» [Жития святых святителя Димитрия Ростовского, 2005, с. 115]. Следовательно, слово «Златоструй» актуализирует также семантику церковных песнопений, написанных преп. Иоанном Дамаскиным, т. е. наиболее поэтичных и высоких текстов на церковнославянском языке.

место бытовой обиходной речи там, где его чтут. Кроме того, такая номинация, хотя и в юмористическом контексте, отсылает к произведению древнерусской письменности – Златоуструю, содержащему избранные слова св. Иоанна Златоуста. Истолкование заголовка дано в самой древней книге: «сладкие речи» ее, словно «золотые струи, омывают души людей» [Савельева, 2009, с. 196]. Но таким значением наделяется и церковнославянский язык в тексте В. А. Никифорова-Волгина: «В нем <...> чистота, снега горного светлейшая!» (с. 70). «Все светло. Все от сердца, от чистоты, от святости, от улыбки Господней» (с. 74). Древнерусский сборник «Златоуструй» содержит тексты, которые «<...> имеют назидательно-дидактическую направленность, сборник не содержит догматических сочинений. В «Прилоге» объясняется цель составления сборника: «Да всяк почитай я... многу пользу в них души и телу обрящет». В поучениях «Златоуструя» говорится о необходимости посещать церковь и благоговейно внимать богослужению, соблюдать пост, приносить искреннее покаяние в грехах, почитать родителей, «учителей» и «старейшин» <...>» [Савельева, 2009, с. 197]. В рассказе В. А. Никифорова-Волгина дедушка Влас дает лишь одно наставление внуку: «Возлюби Божью красоту!» (с. 74). Но наполненный «славянскими речениями» текст, несомненно, содержит в себе призыв и посещать храм Божий, и внимательно слушать богослужение, и стремиться в жизни своей следовать тому, чему учит церковь, и благоговейно читать книги на церковнославянском языке. Вот какое косвенное наставление есть почти в начале текста: «До слез огорчало деда, когда церковники без великой строгости приступали к чтению, стараясь читать в нос, скороговоркой, без ударений, без душевной уветливости» (с. 71). Последнее слово образовано от существительного «увет», которое в словаре В. И. Даля объясняется так: «привет, радушие, ласка, призрение, приюченье» [Даль, 1980, с. 463], однокоренной глагол с этим словом – «увещать», т.е. «<...> усовещивать, наставляя, уговаривать к добру, поучать советами» [Даль, 1980, с. 464]. Такое наставление с любовью, по мнению бабушки, должно исходить от читающего высокие церковнославянские слова.

С водой связан фрагмент службы, читаемый дьяконом: «Тебе поет солнце, Тебе славит луна, Тебе присутствуют звезды, Тебе слушает свет, Тебе работают источники. Ты простер еси небо яко кожу, Ты утвердил еси землю на водах, Ты оградил еси море песком, Ты к дыханьям воздух изливал еси» (с. 72–73). Это из слов молитвы на Великое освящение воды, читаемой на Крещение. Вслед за словами хвалебной молитвы дьякон «треплет себя за волосы и кричит на всю горницу:

– Это же ведь не слова, а молнии Господни!

Дед вторит ему с восхищением <...>» (с. 73). Вслед за изображенной словами картиной бытия, навевающей воспоминание о сотворении мира, и в то же время сопряженной с водной стихией, следуют «громовые» крики дьякона и дважды в тексте упоминается молния. Возникает образ природы перед дождем. Дождь – знак обновления, а в приведенном здесь контексте молнии «венчают»

собою величественный образ сотворенного мира. В контексте же церковной службы водоосвящения молнии предваряют качественные изменения, которые должны произойти с водой, готовящейся воспринять святую благодать. Тогда молнии как образ, отсылающий к семантике огня, соотносим с образом огненных языков из новозаветного повествования и созданной на его основе церковной службе. В представленном семантическом поле церковнославянские слова оказываются «насыщенными» благодатью Духа Святаго.

В разговоре дьякона с дедушкой «<...> заструятся <...> такие светло-певучие речи <...>» (с. 71), которые в конце рассказа названы уже иначе, но связь с образом волн воды здесь просматривается: «И не хочется погружаться в сон: так бы и колебался на зыбких певучих струнах боговдохновенных речений» (с. 75). Колебание зыбких волн напоминает характеристика звуковой стороны церковнославянских слов. Здесь есть намек на семантику сна (зыбка – старинное название колыбели), а также прямое указание на мелодичность высказываний на церковнославянском языке. Разговор деда Власа и дьякона Афанасия становится своеобразной колыбельной для рассказчика. Но в то же время – это и воспоминание о детстве, и исток любви к церкви и ее языку, переданный по наследству внуку от дедушки, и развязка семантического сюжета: слушать речи на церковнославянском языке можно бесконечно. В то же время в этом эпизоде есть и отсылка к семантике начала (сон, волны, колебания напоминают нахождение эмбриона в утробе, который уже слышит звуки извне, и внешние впечатления тоже оказывают на плод формирующие его психику воздействия). В таком контексте сам церковнославянский язык получает смысл того, что должно быть органично присуще человеку: это формирующий его благочестивую и богоугодную жизнь язык молитвы и славословия, язык разговора с Богом, язык покаяния и очищения, способ возвращения человека в состояние «будьте как дети», это то, что помогает спасти душу и видеть красоту не столько тварного мира, сколько духовного.

Еще одна метафора, связанная с языком церкви в тексте, – это ткань («сребротканый лад церковнославянского языка», с. 70; «дьякон продолжает ткать на синих сумерках серебряные звезды слов», с. 72). В обоих фрагментах появляется еще один цвет, характеризующий язык богослужений, – серебряный. С одной стороны, он вписывается в семантику драгоценностей, с другой – в последнем случае – указывает на небо, сообщая церковнославянскому языку смысл полноты (язык сопряжен и с золотым сиянием солнца, и с серебром звезд, т. е. имеет космический характер, «вбирая» в себя красоту и дня, и ночи).

Церковнославянский язык – источник радости в тексте («Развернет, бывало, дед одну из шуршистых страниц какой-нибудь древней церковной книги и зачнет читать с тихой обрадованной улыбкой», с. 70). Еще он дает утешение тем, кто способен оценить богатство «славянских речений»: «Утешали себя блеском старинных кованных слов так же, как иные утешают себя песнями, плясами и музыкой» (с. 73). В приведенном фрагменте блеск сопряжен с семантикой света, а лексема «кованный», по словарю Д. Н. Ушакова, имеет прямое («сделанный

посредством ковки») и переносное («четкий, звучный, выразительный, выпуклый (о словесном выражении)» [Ушаков, 2014, с. 257]) значения. В соседстве со словом «блеск» актуализируется прямое значение, в данном тексте вырастающее до метафоры, но смысл, касающийся словесного выражения, в разговоре о языке тоже не исчезает. Возникающее смысловое «мерцание» усиливает образность текста.

Поскольку количество цитат из церковных книг в этом рассказе значительно, отметим наиболее частотную лексику среди них. В данном рассказе это слово «цвет». В словаре прот. Г. Дьяченко оно толкуется так: «пускающее ростки, расцветающее; цвет, блеск <...>; наименование Богоматери в богослужебных песнях <...>» [Дьяченко, 2013, с. 801]. В старославянском словаре под редакцией Р. М. Цейтлин отражены такие значения: «цветок, цветущее растение»; «перен. цвет, лучшая, отборная часть»; «цветение, расцвет» [Старославянский словарь, 1999, с. 771]. В текстах, цитаты на которые представлены в рассказе, слово «цвет» чаще всего является метафорой, служащей для восхваления святых. Но присутствует также сравнение «цвета» и травы с человеческой жизнью. Таким образом, одно и то же слово в тексте рассказа отсылает к полярно противоположным явлениям: вечной жизни святых и временной человеческой жизни. В контексте рассказа через образ «цвета» задается перспектива для живущих на земле: переход от временного бытия, подобного преходящим явлениям, к вечной блаженной жизни со святыми. Растительная метафора сопряжена здесь со смыслом развития, духовного роста души человека.

Заметим также, что Минея Праздничная – богослужебная книга, которую, по всей видимости, тоже читали персонажи данного рассказа, иначе называется «Анфологион, Анфологий, <...> Цветослов, Минея цветная <...>» [Букварь школьника. Язык славян, 2009, с. 1047]. Последние варианты заглавий метафоричны, так как книга эта содержит избранные службы святым. По-другому она именуется «Цветником (с греч. «цветок»); сборник избранных произведений)» [Букварь школьника. Язык славян, 2009, с. 1048]. Сам текст рассказа тоже включает отдельные песнопения и их фрагменты, это тоже своеобразный «цветник».

Среди процитированных фрагментов из богослужебных текстов в тексте присутствуют те из них, которые отсылают к праздникам Рождества Христова и Крещения Господня, прославлению святых, в т. ч. мучеников, тексты из панихиды и службы погребения. Объемлют здесь церковнославянские тексты начало и конец земной жизни человека, вечное бытие Бога и бессмертной человеческой души. К примеру, дьякон читает в рассказе из Минеи стихирю: «Таинство ужасное зрю: Бог бо, Иже горстию содержай всю тварь, объемлется плотию в яслех безсловесных и рублищи повивается, повиваяй мглою море» [Минея декабрь, 1982, с. 435]. Текст связан с рождественской семантикой, но стихира эта читается 29-го декабря, в день, когда совершается память «святых младенец четырнадцати тысяч, Христа ради избивенных от Ирода в Вифлееме Иудейстем, и преподобного отца нашего Маркелла, игумена обители Неусыпаемых» [Минея декабрь, 1982,

с. 434]. Рождение и смерть встречаются в этот день. Интересно, что в житии преп. Маркелла, приводимом в Минее, говорится об эпизоде, когда святой защитил слугу, бежавшего от хозяина и укрывшегося в обители «Неусыпающих»: «Сострадательный и любвеобильный игумен бесстрашно вышел за ограду, неся в руках святой Крест. Вид преподобного был величествен, его окружало сияние, от святого Креста исходили молнии. Воины в ужасе разбежались, а их господин, услышав о случившемся, пришел в трепет и простил своего слугу» [Минея декабрь, 1982, с. 449]. Образ молнии объединяет житийный текст и произведение В. А. Никифорова-Волгина, только в повествовании о преп. Маркелле молнии связаны с крестом, а у русского писателя – с церковнославянскими словами. Но то и другое существует в контексте православной веры, исток у них один.

Рассказ «Молнии слов светозарных» в книге «Земля-именинница» идет вслед за циклом рассказов «Детство», и точка зрения мальчика-рассказчика здесь сохраняется. В шестом рассказе цикла «Плащаница» нищий Яков говорит рассказчику, что «в древних сказах» «Светозар-днем» (с. 33) называли Пасху. Действительно, все богослужение ориентируется на это главное событие церковного года. А упоминание «святого света» в начале текста «Молний...» наводит на воспоминание такой номинации благодатного огня в «Житии и паломничестве игумена Даниила», появлению которого тоже предшествуют небольшие вспышки молний внутри храма Гроба Господня. Все это сообщает радостную, праздничную тональность рассказу «Молнии слов светозарных». Любое церковнославянское слово в таком контексте – напоминание о пасхальной радости, потому и утешают эти слова и дедушку Власа, и дьякона Афанасия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агапкина, Т. А. Рябина / Т. А. Агапкина // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито). – Москва: Международные отношения, 2009. – С. 514–519.

Белова, О. В. Молния / О. В. Белова // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). – Москва: Международные отношения, 2004. – С. 280–282.

Букварь школьника. Язык славян. Начала познания вещей божественных и человеческих. – Москва: Патриаршее Подворье Заиконоспасского и Никольского монастырей в Китай-городе, Сибирская Благовонница, 2002. – 1349 с.

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. IV: Р–V. – Москва: Русский язык, 1980. – 683с.

Дедов, П. П. Светозары. Трилогия / П. П. Дедов. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1990. – 528 с.

Дьяченко, Г., прот. Полный церковно-славянский словарь / Г. Дьяченко. – Москва: ЗАО Фирма «Бертельсманн Медиа Москва АО», 2013. – 1120 с.

Жития святых святителя Димитрия Ростовского. Декабрь. – Москва: Издательство «Лествица», 2005. – 868с.

Имена и именины / сост. Л. М. Акентьева. – Новосибирск: ЦЭРИС, 1994. – 88с.

Исаков, С. Забытый писатель / С. Исаков // В. А. Никифоров-Волгин Дорожный посох. – Москва: Советская Россия, 1992. – С. 330–339.

Конюхова, А. С. Архетипические сюжеты в произведениях В. А. Никифорова-Волгина / А. С. Конюхова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – Воронеж, 2017. – № 2. – С. 42–46.

Конюхова, А. С. Рождественский сюжет в произведениях В. А. Никифорова-Волгина / А. С. Конюхова // Русская классика: проблемы понимания и языкового своеобразия. Сборник научных статей по итогам XV Барышниковских чтений Всероссийской научной конференции. – Липецк, 2016. – С. 136–140.

Летаева, Н. В. Рождественский хронотоп в прозе русского зарубежья / Н. В. Летаева // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2020. – № 2 (27). – URL: <https://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1610733>. (15.05.2021).

Миняя декабрь. Ч. 2. – Москва: Издание Московской Патриархии, 1982. – 504с.

Миняя март. Ч. 2. – Москва: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. – 400с.

Миняя общая. – Москва: Правило веры, 2015. – 688с.

Миняя Праздничная. – Москва: Правило веры, 2016. – 912с.

Никифоров-Волгин, В. А. Земля-именинница / В. А. Никифоров-Волгин. – Москва: Ставро, 2004. – 224с.

Осьминина, Е. А. Тексты церковных песнопений в циклах «Детство» и «Из воспоминаний детства» В. А. Никифорова-Волгина / Е. А. Осьминина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. – Москва, 2015. – № 5 (716). – С. 216–226.

Осьминина, Е. А. Церковнославянизмы в автобиографических циклах В. А. Никифорова-Волгина / Е. А. Осьминина // Русская речь. – Москва, 2016. – № 2. – С. 26–31.

Савельева, Н. В. «Златоструй» / Н. В. Савельева, А. А. Турилов // Православная энциклопедия. Т. XX: Зверин в честь Покрова Пресвятой Богородицы женский монастырь – Иверия / Под ред. Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла. – Москва: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2009. – С. 196–198.

Смирнова, Е. Н. Православие в русской прозе начала XX века / Е. Н. Смирнова // Русская словесность как основа Русского мира. Материалы XV Международного форума. – Липецк, 2020. – С. 229–233.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): Около 10000 слов / Э. Благова, С. Геродес, Р. М. Цейтлин и др. Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – Москва: Русский язык, 1999. – 842с.

Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. – Москва: ООО «Дом Славянской книги», 2014. – 960с.

Ушков, А. В. Краткий учебник церковнославянского языка / Букварь школьника. Язык славян. Начала познания вещей божественных и человеческих. – Москва: Патриаршее Подворье Заиконоспасского и Никольского монастырей в Китай-городе, Сибирская Благовонница, 2002. – С. 3–116.

Яснова, Е. В. Символика светописи в произведениях И. С. Шмелева и В. А. Никифорова-Волгина / Е. В. Яснова // Молодежь: свобода и ответственность. Материалы Шестых региональных Рождественских образовательных чтений. – Пенза, 2019. – С. 65–70.

REFERENCES

Agapkina, T. A. Ryabina / Slavyanskije drevnosti. Etnolingvističeskij slovar': v 5 t. T.4: P (Pereprava cherez vodu) – S (Sito). – Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2009. – S. 514–519.

Belova, O. V. Molniya / O. V. Belova // Slavyanskije drevnosti. Etnolingvističeskij slovar': v 5 t. T.3: K (Krug) – P (Perepelka). – Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004. – S. 280–282.

Bukvar' shkol'nika. Yazyk slavyan. Nachala poznaniya veshchey bozhestvennykh i chelovecheskikh. – Moskva: Patriarshee Podvor'e Zaikonospasskogo i Nikol'skogo monastyrey v Kitay-gorode, Sibirskaya Blagovonnitsa, 2002. – 1349 s.

Dal', V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. T. IV: R-V / V. I. Dal'. – Moskva: Russkij yazyk, 1980. – 683 s.

Dedov, P. P. Svetozary. Trilogiya / P. P. Dedov. – Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1990. – 528 s.

D'yachenko, G., prot. Polnyj tserkovno-slavyanskiy slovar' / prot. G. D'yachenko. – Moskva: ZAO Firma «Bertel'smann Media Moskau AO», 2013. – 1120 s.

Zhitiya svyatykh svyatitelya Dimitriya Rostovskogo. Dekabr'. – Moskva: Izdvo «Lestvitsa», 2005. – 868s.

Imena i imeniny. Sost. L. M. Akent'eva. – Novosibirsk: TsERIS, 1994. – 88s.

Isakov, S. Zabytyy pisatel' / S. Isakov // V. A. Nikiforov-Volgin Dorozhnyj posokh. – Moskva: Sovetskaya Rossiya, 1992. – S. 330–339.

Konyukhova, A. S. Arkhetipicheskie syuzhety v proizvedeniyakh V. A. Nikiforova-Volgina / A. S. Konyukhova // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. – Voronezh, 2017. – № 2. – S. 42–46.

Konyukhova, A. S. Rozhdestvenskij syuzhet v proizvedeniyakh V. A. Nikiforova-Volgina / A. S. Konyukhova // Russkaya klassika: problemy ponimaniya i yazykovogo svoebraziya. Sbornik nauchnykh statej po itogam XV Baryshnikovskikh chteniy Vserossiyskoy nauchnoj konferentsii. – Lipetsk, 2016. – S. 136–140.

Letaeva, N. V. Rozhdestvenskiy khronotop v proze russkogo zarubezh'ya / N. V. Letaeva // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo. – Velikiy Novgorod, 2020. – № 2 (27). – S. 21.

Mineya dekabr'. Pt. 2. – Moskva: Izdanie Moskovskoy Patriarkhii, 1982. – 504 s.

Mineya mart. Pt. 2. – Moskva: Izdatel'skiy Sovet Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi, 2008. – 400 s.

Mineya obshchaya. – Moskva: Pravilo very, 2015. – 688 s.

Mineya Prazdnichnaya. – Moskva: Pravilo very, 2016. – 912s.

Nikiforov-Volgin, V. A. Zemlya-imeninnitsa / V. A. Nikiforov-Volgin. – Moskva: Stavros, 2004. – 224 s.

Os'minina, E. A. Teksty tserkovnykh pesnopeniy v tsiklakh «Detstvo» i «Iz vospominaniy detstva» V. A. Nikiforova-Volgina / E. A. Os'minina // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. – Moskva, 2015. – № 5 716). – S. 216–226.

Os'minina, E. A. Tserkovnoslavyanizmy v avtobiograficheskikh tsiklakh V. A. Nikiforova-Volgina / E. A. Os'minina // Russkaya rech'. – Moskva, 2016. – № 2. – S. 26–31.

Savel'eva, N. V. «Zlatostruy» / N. V. Savel'eva, A. A. Turilov // Pravoslavnyaya entsiklopediya. T. XKh: Zverin v chest' Pokrova Presvyatoy Bogoroditsy zhenskiy monastyr' – Iveriya / Pod red. Patriarkha Moskovskogo i Vseya Rusi Kirilla. – Moskva: Tserkovno-nauchnyy tsentr «Pravoslavnyaya entsiklopediya», 2009. – S. 196–198.

Smirnova, E. N. Pravoslavie v russkoy proze nachala KhKh veka / E. N. Smirnova // Russkaya slovesnost' kak osnova Russkogo mira. Materialy XV Mezhdunarodnogo foruma. – Lipetsk, 2020. – S. 229–233.

Staroslavjanskiy slovar' (po rukopisyam X–XI vekov): Okolo 10000 slov / E. Blagova, S. Gerodes, R. M. Tseytlin i dr. Pod red. R. M. Tseytlin, R. Vecherki i E. Blagovoy. – Moskva: Russkiy yazyk, 1999. – 842 s.

Ushakov, D. N. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka. Sovremennaya redaktsiya / D. N. Ushakov. – Moskva: OOO «Dom Slavyanskoy knigi», 2014. – 960 s.

Ushkov, A. V. Kratkiy uchebnyk tserkovnoslavjanskogo yazyka / A. V. Ushkov // Bukvar' shkol'nika. Yazyk slavyan. Nachala poznaniya veshchey bozhestvennykh i chelovecheskikh. – Moskva: Patriarshee Podvor'e Zaikonospasskogo i Nikol'skogo monastyrey v Kitay-gorode, Sibirskaya Blagozvonitsa, 2002. – S. 3–116.

Yasnova, E. V. Simvolika svetopisi v proizvedeniyakh I. S. Shmeleva i V. A. Nikiforova-Volgina / E. V. Yasnova // Molodezh': svoboda i otvetstvennost'. Materialy Shestyx regional'nykh Rozhdestvenskikh obrazovatel'nykh chteniy. – Penza, 2019. – S. 65–70.